

Внезапно полетели мелкие крупницы снега, усыпая землю и телеги.

Деревья тянули к небу голые ветви, а на пустырях полегла сухая трава, укрыв землю плотным, многослойным ковром. На земле оставалось множество опавших семян, и целые стаи воробьёв шумно прыгали повсюду, сплевывая корм.

Скрипучие колеса покатались дальше, с грохотом перемалывая ухабы и неровности дороги. Не успел караван подойти ближе, как воробьи с шумом взмыли в воздух — их было так много, целая сотня, — и поспешили укрыться в лесной чаще.

Чанся сидел на дощатом настиле телеги, повернувшись лицом назад. По мере того как ослиная повозка со скрипом и скрежетом продвигалась вперёд, его тельце мерно покачивалось в такт движению.

Снежные крупинки падали на его одежду. Он подцепил пальцами несколько штук и немного подержал: от тепла его рук снежинки превратились в крошечные капли едва тёплой воды, оставшиеся на подушечках пальцев.

Пэй Юва шёл рядом с телегой, спрятав обе руки в рукава, и молча погонял скотину.

Поднялся ветер.

Снежная крупа закружилась в воздухе. Когда резкий порыв ветра швырнул её прямо в лицо, почти все мужчины зажмурились или выставили перед глазами ладони, защищаясь от колких крупинок.

Шедший во главе каравана Чжао Ляньсин невольно замедлил шаг и на ходу поднял голову, всматриваясь в небо.

Тучи нависли тяжелые, свинцовые — непохоже, чтобы погода собиралась скоро проясниться.

В самом начале пути продвигаться было еще сносно, пока на земле не намело сугробов. Больше всего они боялись сильного снегопада или грязи во время оттепели — в такую пору скоту и телегам тяжелее всего держать дорогу.

Он зычно крикнул назад, подгоняя остальных:

— Живее шагайте! В эту деревню заходить не будем!

Мужики позади отозвались согласным гулом, потянули ослов под уздцы, и караван заметно прибавил ход.

Пошёл уже третий день с тех пор, как они покинули деревню Далю.

Когда осёл потянул телегу мелкой рысью, Чанся инстинктивно ухватился за боковую доску.

Ледяной ветер дул прямо в лицо, повозку сильно трясло на ухабах. Мальчик переставил ноги и сменил позу: теперь он сидел не спиной к ходу движения, а сжался в комок, прижавшись спиной к бортику телеги, — так ему казалось капельку надёжнее.

Под верхней одеждой на нем был теплый ватник, а на ногах — дополнительная пара носков, так что ему было гораздо теплее, чем обычно.

И всё же повозка была открытой, ничем не защищенной от пронизывающего встречного ветра,

так что стужа давала о себе знать.

На телегах оставалось свободное место, мужчинам не приходилось тащить на себе узлы с вещами и товаром, поэтому все девять человек шли налегке, легко поспевая за бегущей скотиной.

Они привыкли к дальним переходам, так что скорость их шага была не чета обычной.

Один лишь Чанся среди них был ребёнком — маленьким, худеньким и лёгким, так что его присутствие несколько не утяжеляло повозку.

Пэй Юва мельком взглянул на сидящего спиной к нему мальчика. Убедившись, что тот устроился прочно и не вылетит на ухабе, он ничего не сказал и продолжил упрямо шагать вперёд.

Лишь спустя приличное время он услышал, как Чанся от холода тихонько зашипел сквозь зубы.

Обернувшись, Пэй Юва увидел, что мальчик буквально уткнулся лицом в колени, а свои худенькие, потрескавшиеся от сухости и обмороженные ладони прижал к шее сзади, пытаясь защититься от ветра.

Вскоре его оставшиеся на виду руки совсем заоченели, и он поспешно спрятал их за пазуху, чтобы согреть.

Только сейчас Пэй Юва понял, какую оплошность допустил: у Чанся не было ни шапки, ни теплого шейного воротника-ветрозащиты.

В предыдущие два дня светило солнце, ветер утих, да и караван двигался неспешно, так что это не бросалось в глаза. Но сегодня с самого утра небо заволокли тучи, поднялся резкий северный ветер, и ребёнок, конечно же, не выдержал лютой стужи.

Мужчина поспешно развязал у себя на шее плотный воротник и протянул его к телеге:

— На, укутайся. Защити голову и шею.

Чанся поднял голову; его взгляд был отрешенным и застывшим.

Пэй Юва продвинул руку с воротником чуть дальше:

— Слушайся отца.

Ресницы мальчика вздрогнули. Он по-прежнему не проронил ни слова, но протянул руки и принял вещь.

Нашейный воротник еще хранил чужое тепло; он был большим и плотным. Мальчик кое-как расправил его, накинул на голову, словно капюшон, а оставшуюся часть обмотал вокруг шеи, после чего понизже опустил голову и сжался в комок.

Ледяной ветер наконец-то перестал задувать ему за шиворот.

Увидев, что мальчик укутался кое-как, но всё же сумел защитить и голову, и уши, и шею, Пэй Юва поправил собственный ворот куртки, втянул голову в плечи и, отойдя от телеги на пару шагов, побежал вровень с остальными.

Его собственная шапка была для Чанся слишком велика. К тому же от долгого бега тело мужчины как раз разогрелось, и если бы он опрометчиво снял шапку на ледяном ветру, то мог легко занемочь. Так что пока ему оставалось лишь уступить ребенку свой воротник.

Небо стояло хмурое, снежные крупинки летели сплошной стеной, и вскоре на земле и ветвях деревьев образовался тонкий белый покров.

Едва часы приблизились к началу часа юй [примерно пять часов вечера, зимние сумерки], как вокруг начало стремительно темнеть.

Заметив впереди навес чайной лавки, Чжао Ляньсин замедлил ход. Если миновать эту лавку и пройти ещё две ли [примерно 1–1,5 километра], а затем свернуть на восток, покажется небольшая деревушка.

Если же двигаться дальше, то до городка Хунлу было еще добрых два часа пути — засветло им туда точно не добраться.

Он не стал останавливаться у чайного навеса, а громко крикнул идущим позади:

— Поторопитесь! Впереди есть селение, там и заночуем. Всего две-три ли осталось!

Услышав это, измотанные целым днём тяжёлого перехода мужчины облегченно вздохнули.

Чанся по-прежнему ехал на телеге: он был слишком мал и никак не смог бы поспеть за широким шагом взрослых.

В первые два дня всё было проще: стоило каравану зайти в какую-нибудь деревню, как он мог спуститься и немного размять ноги. Сегодня же ему позволили сойти на землю только в полдень, во время обеда.

В крошечной деревушке, укрытой среди деревьев, насчитывалось от силы два десятка дворов.

Свернув на деревенскую улицу, Чжао Ляньсин не стал зазывать покупателей, а просто шёл и приглядывался к домам, пока наконец не остановился перед усадьбой с самым просторным двором.

Вместе с Чжао Ляньваном они зашли внутрь, чтобы договориться с хозяином, а остальные остались ждать на улице.

Чанся поднял голову и выставил ладошку, ловя несколько снежинок.

Снег заметно усилился, да и северный ветер дул вовсю, так что мужчины с нетерпением поглядывали на ворота.

Вскоре показался хозяин дома — крепкий деревенский мужик. Он оказался грамотным: внимательно изучил бамбуковую дощечку Чжао Ляньсина, расспросил о тамошних обычаях и укладе, и всё сошлось.

Посмотрев на этих покрытых дорожной пылью крестьян, чьи лица дышали честностью и простотой, и прикинув, что его просторный двор вполне вместит всех ослов и телеги, он согласился.

В конце концов, им нужно было лишь переждать одну ночь и воспользоваться его кухонным очагом. У караванщиков был свой большой котёл, своя посуда и свои сухие припасы.

Раз уж за это можно было получить несколько медных монет, хозяин кивнул, распахнул ворота настежь и радушно пригласил гостей внутрь.

На дворе уже стемнело. Чанся до этого сидел, сжавшись на досках повозки, и когда он спрыгнул на землю, хозяин дома только сейчас заметил ребёнка и слегка нахмурился.

Это был крепкий мужчина в самом расцвете сил, да и в его доме хватало взрослых работников — трое братьев жили вместе, не разделяя хозяйства, так что смелости им было не занимать. Он тут же в лоб спросил:

— А этот ребёнок откуда?..

Где это видано, чтобы бродячие торговцы проделывали огромный путь из самой управы Мэйчжу, торгуя по деревням, да ещё и тащили с собой малолетнее дитя?

Чжао Ляньсин с улыбкой поспешил объяснить:

— Это мой названный брат выкупил мальчика в качестве малолетнего нареченного мужа для своего сына. Не беспокойся, почтенный брат, у нас и брачное свидетельство имеется, всё честь по чести, ребёнок не краденый.

Морщины на лбу хозяина разгладились.

Услышав, что Чжао Ляньсин зовет его, Пэй Юва подошёл ближе, ведя Чанся за руку. На ходу он достал из-за пазухи кошель, а из него извлек аккуратно сложенное брачное свидетельство-хуньшу.

Осмотрев документ, хозяин вернул его обратно и окончательно успокоился.

Двое поваров принялись переносить припасы на кухню. На ходу шинкуя овощи и промывая рис, они то и дело покрикивали на остальных, прося помочь развести огонь и подтащить хворост, так что вокруг царил суета.

Деревенские ребяташки из этой семьи нашли происходящее жутко любопытным: те, кто посмелее, высыпали во двор поглазеть на гостей, а трусишки лишь несмело высовывали головы из-за плотных ватных занавесей на дверях.

Чанся неотступно следовал за Пэй Юва. Он был крайне молчалив, и даже завидев сверстников, не проронил ни слова, не говоря уже о том, чтобы побежать играть с ними.

На улице шёл снег и завывал ветер. Стоило зайти в дом и постучать о пол онемевшими ногами, как пальцы тут же пронзило ледяной болью — только сейчас стало понятно, как сильно они замерзли.

Часть товара пришлось занести в комнату, иначе за ночь на телегах его могло засыпать снегом.

Прежде чем выйти во двор, Пэй Юва велел Чанся забраться на кан, хорошенько укутал его в одеяло и ласково напутствовал:

— Посиди здесь, погрейся. Скоро будет горячая вода и ужин.

Чанся тихонько кивнул и послушно забился в самый угол печи.

За окном становилось всё темнее. Двери и окна были плотно заперты, а довольно толстое старое ватное одеяло надежно укрывало его тело, так что руки, ноги и всё туловище постепенно начали отходить и наливаться теплом.

До слуха мальчика доносился весёлый смех и возня местных ребятишек. Он опустил глаза и принялся легонько тереть ладонями свои озябшие щёки.

Пэй Юва и остальные мужики то и дело заходили в комнату, составляя на пол бамбуковые корзины, узлы с вещами и нераспроданные фонари. Ослы и мулы устроились под навесом для скотины, а вот телеги пришлось оставить прямо во дворе под открытым небом.

Фонари всё-таки были сделаны из бумаги; если оставить их на телегах под непрекращающимся снегопадом, за ночь они размокнут и придут в негодность — было бы слишком жаль потерять добро.

Чанся смотрел на поставленные в комнате праздничные фонарики — яркие, разноцветные, — и его взгляд надолго приковался к ним.

Вскоре Пэй Юва принёс чайник и стопку чаш. Первым делом он налил Чанся половину чаши горячей воды, велел пить прямо на кане.

Несколько мужиков уселись на край печи, прихлебывая воду и перекидываясь праздными фразами.

Все они были суровыми, грубыми деревенскими мужиками и не знали, о чём разговаривать с маленьким ребёнком, так что их забота ограничивалась лишь тем, чтобы вовремя покормить и напоить его.

А уж об играх и развлечениях и речи быть не могло — на это просто не было времени.

Им нужно было упрямо продвигаться вперёд и успевать торговать по деревням. К тому же вчера уже начался двенадцатый месяц лаюэ. Если двигаться в таком темпе, распродавая остатки товара на ходу, обратный путь займет никак не меньше полумесяца.

Каждый раз, когда караван заходил в очередную деревню, Пэй Юва строго наказывал Чанся держаться рядом с ним и не позволял убегать к местной детворе.

С одной стороны, он опасался, что мальчик заиграется и потеряется, с другой — он выложил за него целых два ляна и пятьдесят вэней серебра. Прodelать такой огромный путь ради того, чтобы найти сыну наречённого мужа — тут волей-неволей станешь держать ухо востро.

А поиграть он ещё успеет: вот вернутся в родную деревню Ваньэр, там ребятишек полно — и постарше, и помладше, — пускай резвится сколько душе угодно.

Когда сели ужинать, на дворе окончательно стемнело, и за стенами яростно завывал ветер. На столике зажгли одну восковую свечу. При её зыбком свете мужчины, низко склонившись над чашами, принялись молча и споро уплетать еду.

Каждому досталось по чаше жидкой рисовой похлёбки и по два больших пышных маньтоу из муки грубого помола, а в качестве закуски на стол подали большой таз с тушёной пекинской капустой.

Чанся сидел за столиком на кане — Пэй Юва специально освободил для него это место.

Мальчик действительно сильно проголодался: он крепко сжимал в кулачке маньтоу и осторожно, кончиками палочек, подцепил кусочек капусты.

Понимая, что ребёнок робеет, ест медленно и боится лишней раз потянуться к общему блюду при взрослых, Пэй Юва сам зачеркнул своими палочками добрую горсть капусты и переложил прямо в его чашу с похлебкой.

Сами караванщики привыкли к дорожной жизни и изрядно проголодались, так что орудовали палочками с завидной быстротой. Если бы Чанся ел в своём обычном темпе, то не успел бы он сделать и двух укусов, как общий таз полностью опустел бы.

Капуста была хорошо просолена; смешавшись с жидким рисовым отваром, она стала отличной приправой к пресному хлебу.

Мальчику выделили всего один маньтоу из грубой муки, но для его маленького желудка этого было более чем достаточно, к тому же в горячей похлебке ему удалось выловить немало хорошо разваренных рисовых зёрен.

Он ещё не до конца понимал, что означает это слово — тунянси. Его сознание было окутано смутным, робким непониманием, а сердце трепетало от страха.

И всё же, несмотря на то что последние три дня ему приходилось терпеть изнурительную дорожную тряску, каждую трапезу его кормили досыта. По ночам, когда он ложился спать, в его животе больше не гуляла голодная пустота, и это приносило телу непривычное, облегчающее блаженство.

От этого мысли его путались ещё сильнее, а в голове царил полный сумбур.

Всё происходящее напоминало ему то самое серое, туманное небо за окном, полное непроглядной метели — ничего не разобрать, вокруг сплошная пелена, словно он оказался внутри затянувшегося сна.

Покончив с ужином, неприхотливые деревенские мужики устроились на ночлег прямо как были.

Чанся уложили с самого левого края, у самой стены. Пэй Юва не стал ложиться вплотную к нему: между ними легло свернутое в валик тёплое верхнее платье.

На следующее утро снег утих, но небо так и не прояснилось.

Уложив груз на телеги, караван покинул гостеприимное подворье. Чжао Ляньсин несколько раз прокричал зазывалки на деревенской улице, и вскоре к ним потянулись первые покупатели.

Им удалось сбыть ещё немного горных припасов, несколько фонарей и пару больших бамбуковых метел. Когда желающих покупать больше не осталось, повозки выехали за околицу.

Стоило им выбраться на казённый тракт, как мулы, ослы и сами мужчины дружно припустили мелкой рысью.

Чанся по-прежнему сидел на телеге, укутанный в просторный нашейный воротник, а на голове у него теперь красовалась шапка.

Этим утром, перед самым уходом, Пэй Юва выкупил её у хозяев дома, где они ночевали. В той семье было много детей, так что и тёплых вещей хватало с избытком. Всего за десять медных монет он выменял для Чанся старую ватную шапку, которая полностью закрывала уши.

Обратный путь предстоял долгий, и без тёплой, защищающей от ветра одежды перенести его было бы слишком тяжело.

Солнечные дни выпадали редко, небо почти всегда оставалось хмурым и свинцовым, но, к счастью, обе налетевшие в пути метели быстро утихли.

Чанся еще никогда в жизни не уходил так далеко от родного порога, не видел столь далёких земель и даже впервые в жизни переправлялся на большом корабле через огромную-преогромную реку.

То была великая река Цинюнь, к западу от которой раскинулись земли управы Яньцю.

Повозка упрямо катилась вперёд, колёса со скрипом и стоном отсчитывали ли за ли, и неизвестно, сколько сотен вёрст осталось позади.

Лишь к вечеру восемнадцатого числа двенадцатого месяца караван наконец совершил свою последнюю остановку в месте под названием деревня Ваньэр.

<http://bllate.org/book/17875/1712315>